

Научная статья
УДК 821.161.1
DOI: 10.20323/2499_9679_2023_1_32_28
EDN: VOKZNP

**От Луция Аннея Сенеки к Карлу Марксу: советская эпоха в «Речи о пролитом молоке»
И. Бродского**

Анна Александровна Федотова

Доктор филологических наук, доцент кафедры русской литературы, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
i_fateewa@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9629-6154>

Аннотация. Изучение творчества И. А. Бродского относится к актуальным проблемам современного литературоведения. В рамках данной статьи обратимся к методам комплексного филологического анализа текста, а также интертекстуального анализа и определим особенности поэтики и проблематики раннего творчества Бродского. Материалом для анализа выступит малоизученное раннее стихотворение (точнее, небольшая поэма) автора «Речь о пролитом молоке» (1967), а рассмотрено оно будет в контексте предпринятой автором попытки своеобразного синтеза разнородных на первый ряд культурных традиций – классической, представленной отсылками к Луцию Аннею Сенеке и советской, выраженной в марксистской идеологии. К анализу привлекаются и другие претексты, актуализированные Бродским, – произведения Ф. М. Достоевского и И. А. Крылова. В ходе анализа доказывается, что поэма И. Бродского «Речь о пролитом молоке» представляет собой сложное стилистическое и смысловое единство. Актуализация писателем интертекстуальных приемов письма не превращает произведение в бессвязную игру разного рода культурных кодов, наоборот, в едином авторском замысле все претексты приобретают системность, а их взаимодействие друг с другом позволяет углубить смысловое содержание «Речи о пролитом молоке». Размышления о советской эпохе переходят у Бродского в размышления о современном ему обществе вообще. Главной проблемой последнего поэту видится тенденция к обезличиванию и охлократии, к власти толпы. Поэт не сводит счеты с советским в поэме, но пытается серьезно разобраться в причинах губительности советской идеологии. Главная из них, по мнению Бродского, – недоверие к индивидуальному, созерцательной силе индивида, а не коллектива, массы.

Ключевые слова: И. А. Бродский; «Речь о пролитом молоке»; русская литература XX века; советское; рецепция; интертекстуальность; диалог

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00995, <https://rscf.ru/project/23-28-00995/>

Для цитирования: Федотова А. А. От Луция Аннея Сенеки к Карлу Марксу: советская эпоха в «Речи о пролитом молоке» И. Бродского // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 1 (32). С. 28–35. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_1_32_28. <https://elibrary.ru/VOKZNP>

Original article

From Lucius Annaeus Seneca to Karl Marx: the soviet era in J. Brodsky's «Speech about spilled milk»

Anna Alexandrovna Fedotova

Doctor of philological sciences, associate professor, department of russian literature, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Republikanskaya st., 108/1
i_fateewa@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9629-6154>

Abstract. Studying J. A. Brodsky's work is among the most acute concerns for contemporary literary criticism. Within the framework of this article the author resort to methods of complex philological text analysis, as well as intertextual analysis and determine the peculiarities of Brodsky's poetics and problem of his early work. The material for the analysis is an early poem «A Speech about spilled milk» (1967) which has not been studied thoroughly enough, and which will be examined in the context of the author's attempt at a specific synthesis of cultural traditions that are seemingly heterogeneous – classical, represented by references to Lucius Anna Seneca, and soviet, expressed in marxist ideology. Other pretextes actualized by Brodsky, such as the works by F. M. Dostoevsky and I. A. Krylov, are also included in the analysis. The analysis proves that Brodsky's poem «A Speech about spilled milk» is a complex stylistic and semantic unity. The writer's actualization of intertextual writing tech-

niques does not turn the work into an incoherent game of various cultural codes; on the contrary, in the writer's idea all the pretexts acquire consistency, and their interaction with each other helps deepen the semantic content of «A Speech about spilled milk». Brodsky's reflections on the soviet era turn into reflections on the contemporary society in general. The poet sees the main problem of the latter as a tendency toward depersonalization and ochlocracy, toward the power of the crowd. The poet does not take revenge on everything Soviet in the poem, but tries to examine the reasons for the destructive nature of soviet ideology. The main one, according to Brodsky, is the distrust of the individual, of the individual's contemplative power rather than that of the community, the mass.

Key words: I. A. Brodsky; «A Speech about spilled milk»; russian literature of the XX century; soviet; reception; intertextuality; dialogue

The study was supported by the Russian Science Foundation Grant No. 23-28-00995, <https://rscf.ru/project/23-28-00995/>

For citation: Fedotova A. A. From Lucius Annaeus Seneca to Karl Marx: the soviet era in J. Brodsky's «Speech about spilled milk». *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2022;(1):28–35. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_1_32_28. <https://elibrary.ru/VOKZNP>

Введение

С начала 1990-х гг. творчество И. А. Бродского не выходит из поля зрения современных литературоведов. Лирика поэта исследуется в различных аспектах. Внимание ученых привлекает широкий пласт проблем поэтики автора (в частности таких ее граней, как интерес к интертекстуальным формам письма [Ахапкин, 2018]; [Богданова, Власова, 2021], [Ранчин, 2001], коммуникативные стратегии [Чаунина, 2019], своеобразии строфики [Шерр, 2002]), особенности субъектной организации, специфика циклообразования [Бурая, Богданова, 2022]. В большой степени исследовано взаимодействие стихотворений Бродского с итальянской традицией, в частности с творчеством Данте [Ishov, 2017], с русской классикой, например, с творчеством А. С. Пушкина и др. Активно в последние годы изучается рождественский цикл поэта [Богомолов, 2004], [Бурая, 2021], [Гудониене, 2004], в том числе в аспекте актуализации христианской традиции (о религиозности Бродского см., например, [Янгфельдт, 2011]).

Между тем, анализ лирики Бродского еще далек от завершения. В рамках данной статьи остановимся на рассмотрении малоизученного раннего стихотворения (точнее, небольшой поэмы) автора «Речь о пролитом молоке», имеющей точную датировку – 14 января 1967 года. Обратившись к методам комплексного филологического анализа текста, а также интертекстуального анализа, определим особенности поэтики раннего творчества Бродского в контексте предпринятой автором в поэме попытки своеобразного синтезасамых разнородных на первый ряд культурных традиций.

Основная часть

Название поэмы И. А. Бродского отсылает к английской пословице «It's no use stying over spilled milk» или – в другом варианте – «Tis a folly to sty for spilt milk», которая на русском языке

звучит как «нет пользы плача над пролитым молоком» и является своеобразным аналогом русской идиомы «слезами горю не поможешь». Знание культурного контекста помогает понять вызов и некоторую провокационность заголовка Бродского. Что пользы плакать о том, чего не вернуть? И тем не менее поэт предлагает в качестве предмета разговора именно «пролитое молоко». При этом поэт даже заостряет абсурдность и «бессмысленность» своего высказывания, определяя жанровую разновидность поэмы как «речь». Если логика английской пословицы подразумевает, что неприятные события, которые уже не изменить, следует оставить в прошлом и глупо даже вспоминать о них, то Бродский выносит «пролитое молоко» как материал для ораторского выступления.

Сочетание несочетаемого уже с заглавия вносит в текст неподражаемую ироническую интонацию, которая и будет главенствовать в поэме. Впрочем, принципиальная для писателя замена лексемы «плач», характерной для оригинальной идиомы, на лексему «речь» в контексте художественного мира писателя не вызывает удивления. Слово «речь» для Бродского всегда семантически маркировано и становится своеобразным указанием на акт говорения вообще (ср., например, известное выражение из цикла «Часть речи» 1975–1976 гг.:

От всего человека вам остается часть
речи. Часть речи вообще. Часть речи
[Бродский, 2001б, с. 143]).

Композиция поэмы, как это почти всегда бывает у Бродского, выстроена очень строго и структурировано. Текст состоит из 40 пронумерованных восьмистиший, объединенных поэтом в 3 части. Показательно, что 1 и 3 часть по объему одинаковы и включают в себя по 9 восьмистиший, в то время как основная часть значительно увеличена по сравнению с ними и объединяет 22

восьмистишия. Формальная строгость текста еще больше увеличивается за счет того, что на протяжении всех 40 восьмистиший Бродский выдерживает одинаковую оригинальную строфическую форму: все строфы рифмуются по принципу ааавсссб или АААВСССВ.

Первая часть поэмы представляет собой лирический монолог. Субъективность высказывания подчеркивается постоянным использованием местоимений первого лица, в том числе – очень часто – и первого лица единственного числа, а также специфических глагольных форм. Интимность «речи» лирического героя задается уже первыми стихами текста:

Я пришел к Рождеству с пустым карманом.
Издатель тянет с моим романом.
[Бродский, 2001а, с. 179]

Первая строфа поэмы принципиальна тем, что в ней задается мотив одиночества лирического героя («Не могу я встать и поехать в гости»). Пока, впрочем, это одиночество мотивировано лишь сугубо бытовыми, материальными обстоятельствами.

Характерные для первой строфы смысловые линии (тема поэзии, сниженное изображение быта, мотив денег-безденежья, а также метафизическая тема христианства), разнообразно варьируясь, формируют ткань первой части поэмы. Образ поэта-творца, возвышенно задаваемый в начале второй строфы фразой «Ах, проклятое ремесло поэта» [Бродский, 2001а, с. 179] (за счет характерных для поэтического языка XIX века лексем «проклятый», «ремесло», междометия «ах»), все больше снижается от третьей к четвертой строфе, когда лирический герой признается, что его «невеста пятый год за <него> ни с места» [Бродский, 2001а, с. 179], а он сам «оскорбляет <чужую> кухню желудком лишним» [Бродский, 2001а, с. 179].

Интимность интонации субъекта лирического высказывания подкрепляется автобиографическими подробностями, вокруг которых строится пятая строфа:

Двадцать шесть лет непрерывной тряски,
рытья по карманам, судейской таски,
ученья строить Закону глазки,
изображать немого.
[Бродский, 2001а, с. 180]

В четырех стихах поэт передает трагические обстоятельства своей личной биографии. Уже за семь лет до написания поэмы, начиная с 1960 г., Бродский находился в поле интереса комитета государственной безопасности г. Ленинграда. А

29 ноября 1963 года после появления в газете «Вечерний Ленинград» статьи «Окололитературный трутень» началось открытое преследование и травля Бродского, которая закончилась его арестом 13 февраля 1964 года по обвинению в тунеядстве, несколькими заседаниями суда, обвинительным приговором и ссылкой (1964–1965 гг.)

Принципиальна для Бродского фраза, вынесенная им в финал пятой строфы: «изображать немого». Она также может быть интерпретирована в биографическом ракурсе: в декабре 1963 г. с согласия Бродского друзья положили его для обследования в психиатрическую больницу в Москве, думая, что таким образом он может быть избавлен от уголовного преследования. Между тем, не менее важно, что «немота» поэта может трактоваться как невозможность свободного слова, отсутствие права на «речь», «говорение», которые были так важны для Бродского. Конечно, речь идет не о той «первоначальной немоте» [Мандельштам], об обретении которой мечтали Ф. И. Тютчев и О. Э. Мандельштам. «Немой» у Бродского – скорее, «такой, как все», обезличенный человек, у которого нет собственного голоса. Оппозиция «Я-другой» из бытовой, как она была задана в первой строфе, в пятой строфе становится социальной. Показательно, что противопоставленной поэту оказывается и его «невеста», которая тоже подвержена коллективному обезличиванию:

Она говорит: «Не горюй напрасно.
Главное – чувства! Единогласно?»
[Бродский, 2001а, с. 179]

Власть и право коллектива у Бродского, естественно, ассоциировались, прежде всего, с советской, коммунистической идеологией. В «Речи о пролитом молоке» эта идея не остается в подтексте, а прямо реализуется. В шестой строфе монолог лирического героя приобретает остро социальные оттенки:

Жизнь вокруг идет как по маслу.
(Подразумеваю, конечно, массу.)
Маркс оправдывается. Но, по Марксу,
давно пора бы меня зарезать.
[Бродский, 2001а, с. 180]

Вторая половина 1960-х – годы своеобразного расцвета и СССР и, кстати, «капиталистического» Запада во главе с США. Это время относительно комфорта и технического прогресса: совсем немного времени прошло с первого полета человека в космос (12 апреля 1961 года) и буквально пара лет остается до полета «Аполлона-11» на Луну (16–24 июля 1969 года). Однако прибли-

жающейся реализации социалистической мечты об обществе всеобщего благоденствия, рая на земле, неожиданно противопоставляется ценность уникальной человеческой жизни, которая еще больше возрастает благодаря тому, что это жизнь самого поэта.

Изыщная паронимическая аттракция (масса – Маркс) высвечивает ту сердцевину советской идеологии, с которой Бродский не хотел и не мог согласиться, считая неприемлемой идею о гегемонии безличного большинства. Показательно, что в утверждении невозможности приобретения счастья ценой страданий хотя бы одного человека Бродский разделяет традиционные ценности русской классической литературы, а процитированные слова из поэмы невольно заставляют вспомнить Достоевского с его Иваном Карамазовым, уверенно провозгласившим: «<...> от высшей гармонии совершенно отказываюсь. Не стоит она слезинки хотя бы одного только того замученного ребенка» [Достоевский].

Ироничная проповедь о наступлении общества всеобщего благоденствия продолжается в седьмой строфе поэмы. От условного настоящего лирический герой обращается к прошлому и делает небольшой экскурс в историю, перечисляя все основные моменты советского исторического мифа:

То есть, все основания быть спокойным.
Никто уже не кричит: «По коням!»
Дворяне выведены под корень.
Ни тебе Пугача, ни Стеньки.
Зимний взят, если верить байке.
Джугашвили хранится в консервной банке.
Молчит орудие на полубаке.
В голове моей – только деньги.
[Бродский, 2001а, с. 180–181]

В иронически сниженной форме перед читателями предстают основные фигуры борцов за права низших слоев населения (во всяком случае, как они были представлены на страницах советских учебников истории). Бродский упоминает восстание Степана Разина и крестьянскую войну 1667–1671 годов, восстание Емельяна Пугачева и крестьянскую войну 1773–1775 годов, а также ключевые события уже советской историографии – штурм Зимнего дворца (7 ноября 1917 года) и сталинское правление. Благодаря ироничному перифразу «Джугашвили хранится в консервной банке» Бродский подчеркивает мысль об относительном спокойствии и даже идилличности эпохи, в которой он живет, по сравнению с предшествующими годами сталинского террора.

Между тем, возвращаясь к заявленному в первой строфе мотиву денег–безденежья, поэт подчеркивает, что тиранья диктатора сменилась иной властью – если воспользоваться выражением еще одной фигуры, значимой для формирования советской идеологии, теперь уже литературной, а именно, Г. И. Успенского (1843–1902) – «властью капитала». Использование асиндетона позволяет Бродскому передать всепоглощающую власть денег в современном ему обществе:

Деньги прячутся в сейфах, в банках,
в полу, в чулках, в потолочных балках,
в несгораемых кассах, в почтовых бланках.
Наводняют собой Природу!
[Бродский, 2001а, с. 181]

Основная – и самая значительная по объему – часть поэмы представляет собой афористичное изложение «Credo» («Верую») лирического героя. В ее основе – продолжение опровержения советской идеологии, которое постепенно перерастает в нравственный приговор современному массовому обществу, в том числе западному. Начинает поэт с парадоксального переосмысления столь принципиального для коммунистического общества лозунга времен великой французской революции 1789 года «Свобода. Равенство. Братство»: «Равенство, брат, исключает братство» [Бродский, 2001а, с. 181]. Понимание того, почему Бродский кардинально трансформирует столь близкий любым «левым» идеологиям призыв к всеобщему равенству, становится возможным, если учесть, каким смыслом наделяет поэт это понятие. «Равенство» для Бродского – это всеобщая унификация, отказ от индивидуального, а не просто экономическое благополучие всех. Хотя поэт настаивает на том, что подобное анти-равенство – результат в том числе и экономического успеха общества. Антитезой братству, трактуемому Бродским, как свободный союз индивидов, выступает рабство. Показательно, что Бродский рифмует эти лексемы, доходя почти до каламбура.

Равенство, брат, исключает братство.
В этом следует разобраться.
Рабство всегда порождает рабство.
Даже с помощью революций.
Капиталист развел коммунистов.
Коммунисты превратились в министров.
Последние плодят морфинистов.
Почитайте, что пишет Луций.
[Бродский, 2001а, с. 181]

В изложении Бродского привлекает внимание ироничное переосмысление хода истории как по-

следовательной цепочки «рождений», напоминающее известную советскую логику событий XIX века, восходящую к статье В. И. Ленина «Памяти Герцена», согласно которой «Декабристы разбудили Герцена, Герцен разбудил Чернышевского, Чернышевский разбудил Ленина, Ленин разбудил революции».

Каждая из предлагаемых Бродским систем, по мнению автора, превращает человека в раба: капитализм как власть капитала ставит деньги выше всего человеческого, коммунизм – в трактовке Бродского – это власть коллектива над человеком, морфинизм широко интерпретируется поэтом как власть удовольствий. Характерно, что для расширения смыслового пространства текста писатель предлагает читателю отсылку к работам Луция, более известного как Луций Анней Сенека (4 г. до н. э. – 65 г. н. э.), выдающегося римского философа, первого представителя философского направления стоицизм в Древнем Риме. Изложенные в «Речи о пролитом молоке» идеи наиболее близки мыслям Сенеки из трактата «О блаженной жизни». В ней автор противопоставляет толпу и философа (как у Бродского противопоставлены коллектив и индивид). Толпа, по мысли Сенеки, занята заботами о власти, богатстве и наслаждениях. Путь же сохранения внутренней свободы, который указывает философ, – это нравственная норма или совесть, следование которой позволяет человеку и остаться самим собой, и служить другим людям. Мысль об «осознанной разумом совести» [Луций] – ключевая для Сенеки, которая и сделала его одним из оснований стоицизма. Отсылая читателей к трактатам античного философа, Бродский резко расширяет временные рамки изображенных им событий, указывает на не временной, а общечеловеческий формат изложенных им проблем.

Проблематика центральной части поэмы – сугубо социальная. Бродский размышляет над ключевыми категориями экономической теории Карла Маркса – трудом, капиталом и производством. Имя Маркса уже упоминалось в первой части поэмы, теперь Бродский вновь отсылает к ключевому для коммунистического общества теоретику-экономисту, теперь уже в прямо полемическом ключе: «Маркс в производстве не вяжет лыка» [Бродский, 2001а, с. 182]. Актуализация в поэме ключевых понятий марксистской теории (показательно, что лексемы Труд и Капитал пишутся с заглавной буквы как имена собственные, что придает этим понятием некоторый аллегоризм) отсылает к основным трудам немецкого экономиста – прежде всего, к «Капиталу» (1867), но также и к

более частным публикациям, например, «Наемный труд и капитал» (1849).

Согласно К. Марксу, капитал в определенном роде противопоставлен труду: «Только господство накопленного, прямого, овеществленного труда над непосредственным, живым трудом превращает труд в капитал» [Маркс]. Новаторство Маркса заключается в утверждении, что капитал возникает прежде всего не в результате накопления конкретных товаров. А вследствие определенных общественных отношений, которые позволяют путем владения вещами безвозмездно присваивать живой труд рабочих, которые лишены собственности. Как известно, Маркс подчеркивал антагонизм буржуазии и пролетариата. Увеличивая производительность труда, пролетариат парадоксальным образом кует «золотые цепи, на которых буржуазия тащит его за собой» [Маркс].

Бродский полемизирует с теорией Маркса с позиций современной ему действительности. Поэт утверждает, что труд и капитал не противопоставлены друг друга, а, наоборот, вступили в органическое единство. Для того, чтобы показать высочайшую степень этого единства, поэт использует развернутую метафору брачного союза Труда и Капитала:

В общем, каждая единица
по своему существу – девица.
Она желает объединиться.
Брюки просятся к юбке. <...>
Союзу принадлежит прекрасное завтра <...>
Пробил час, и пора настала
для брачных уз Труда – Капитала.
[Бродский, 2001а, с. 182]

В основании характерного для современного общества союза труда и капитала лежит всеобщая меркантилизация, поэт вновь обращается к мотиву денег, свойственному и остро заостренному в первой части поэмы:

Блеск презируемого металла
(далее – изображение в лицах)
приятней, чем пустота в карманах,
проще, чем чехарда тиранов,
лучше цивилизации наркоманов,
общества, выросшего на шприцах.
[Бродский, 2001а, с. 182–183]

В этом утверждении Бродский возвращается к изображению коллективного сознания. Характерно, что теперь в единое целое собираются все те три начала, о которых писал Луций, упоминаемый Бродский в начале второй части поэмы: власть,

деньги и удовольствие. Но если Луций противопоставлял коллективным «низким» устремлениям толпы совесть, то в изображаемом Бродским обществе совесть утратила прежний авторитет, также постепенно уступив место денежным отношениям:

Сейчас экономика просто в центре.
Объединяет нас вместо церкви,
объясняет наши поступки.
[Бродский, 2001а, с. 182]

В дальнейшем ходе поэмы акцент вновь смещается на лирическое «Я» поэмы, на авторефлексию. Знаком последнего выступает актуализация фигуры лирического субъекта-поэта:

Мне, как поэту, все это чуждо. <...>
Мне хватает скандальной славы.
Но плохая политика портит нравы.
Это уж – по нашей части!
[Бродский, 2001а, с. 183]

Строфа интересна как пример метатекста, размышления Бродского о смысле и назначении поэзии. Первоначально кажется, что лирический герой принципиально абстрагируется от социальной проблематики, поднятой им в поэме, приближаясь к пониманию искусства ради искусства, эстетизации творчества («Мне, как поэту, все это чуждо»). Между тем, Бродский находит нишу для поэзии, обращаясь к традиционной для русской классики теме нравственного учительства литературы («Но плохая политика портит нравы. Это уж – по нашей части!»)

В восемнадцатой строфе Бродский в русле неожиданных и даже парадоксальных утверждений, свойственных тексту поэмы в целом, афористично заключает: «Деньги похожи на добродетель» [Бродский, 2001а, с. 184]. Для доказательства этой странной и даже кажущейся на первый взгляд абсурдной мысли поэт прибегает к привлечению текстов нескольких фразеологизмов и пословиц о деньгах:

Не падая сверху – Аллах свидетель, –
деньги чаще летят на ветер
не хуже честного слова.
Ими не следует одолажаться.
С нами в гроб они не ложатся.
Им предписано умножаться,
словно в баснях Крылова.
[Бродский, 2001а, с. 184]

Писатель контаминирует такие известные выражения, как «деньги с неба не падают», «деньги на ветер», «не бросать слова на ветер», «долг пла-

тежом красен», наконец, «деньги должны работать» (приписывают Рокфеллеру) и «денег в могилу не унесешь».

Показательно, что завершается эта апелляция к мировой «копилке» мудрости отсылкой к творчеству И. А. Крылова, басни которого, действительно, выступают квинтэссенцией дидактического начала в русской литературе. Среди ряда произведений Крылова, касающихся темы денег, наиболее близка, на наш взгляд, «Речи о пролитом молоке», басня «Бедный богач». Также, как в восемнадцатой строфе поэмы Бродского, она начинается с общего рассуждения, построенного на принятых в обществе представлениях о деньгах:

«Ну стоит ли богатым быть,
Чтоб вкусно никогда ни съесть, ни спить
И только деньги лишь копить?
Да и на что? Умрем, ведь всё оставим.
Мы только лишь себя и мучим, и бесславим.
Нет, если б мне далось богатство на удел,
Не только бы рубля, я б тысяч не жалел,
Чтоб жить роскошно, пышно,
И о моих пирах далеко б было слышно;
Я, даже, делал бы добро другим.
А богачей скупых на муку жизнь похожа»
[Крылов].

Очевидны переклички на мотивном уровне двух текстов («Умрем ведь, все оставим» у Крылова – «С нами в гроб они не ложатся» и общая логика отрицания скупости). Смысл басни Крылова, однако, заключается в опровержении заданной в начале нравственной максимы жизненной практикой: бедняк, неожиданно получивший волшебный кошелек, из которого можно вынуть сколь угодно много «червонцев», но потратить которые можно лишь выкинув кошелек в воду, предпочитает вынимать червонцы бесконечно, так и не потратив ни одного из них:

На лавке, где своим богатством любовался,
На той же лавке он скончался,
Досчитывая свой девятый миллион [Крылов].

Нарисованная Крыловым картина буквально воспроизводит выражение Бродского о том, что «деньгам предписано умножаться». Учет претекста, как и в случае с привлекаемым ранее трактатом Луция, расширяет смысловое пространство произведения (об этом свойстве интертекстуальности см., например, [Лученецкая-Бурдина, Федотова, 2021], [Федотова, 2022]). Хотя Бродский много рассуждает о «зацикленности» современного его общества на деньгах и капитале, нигде в поэме буквально не говорится о вреде этого. Глу-

боко ироничная по существу поэма, конечно, нигде прямо не дидактична. Обращение писателя к интертекстуальным приемам письма, ориентация на «чужое» слово позволяет внести поэту серьезную нотку сомнения в жизнеспособности современной ему «экономической» идеологии. Впрочем, Бродский сразу же снижает уровень заданного им самим морализаторского пафоса:

Я не занят, в общем, чужим блаженством.

Это выглядит красивым жестом.

Я занят внутренним совершенством:

полночь – полбанки – лира.

[Бродский, 2001а, с. 184]

Частное и индивидуальное вновь противопоставляется коллективному. Лирический герой сознательно отказывается от маски учителя толпы и поэта-«пророка».

Заключение

Поэма И. Бродского «Речь о пролитом молоке» представляет собой сложное стилистическое и смысловое единство. Она насквозь литературна и богата интертекстуально. Поле претекстов поэмы формируют самые разнообразные источники: от Луция Сенеки до Карла Маркса, от И. А. Крылова до Ф. М. Достоевского. Актуализация писателем интертекстуальных приемов письма, однако, не превращает произведение в бессвязную игру разного рода культурных кодов, наоборот, в едином авторском замысле все претексты приобретают системность, а их взаимодействие друг с другом позволяет углубить смысловое содержание «Речи о пролитом молоке».

Размышления о советской эпохе переходят у Бродского в размышления о современном ему обществе вообще. Главной проблемой последнего поэту видится тенденция к обезличиванию и охлократии, к власти толпы. Отношения Бродского с советским обществом были полны трагизма. Полное непонимание, неприязнь и жестокость советских обывателей в полной мере проявились в ходе судебных процессов над поэтом. Арест и ссылка не прошли для Бродского бесследно: еще совсем молодой поэт впервые столкнулся с серьезным сердечным заболеванием, которое сопровождало его всю жизнь и привело к ранней кончине. Между тем, поэт вовсе не сводит счеты с советским в поэме, но пытается серьезно разобраться в причинах гибельности советской идеологии. Главная из них, по мнению Бродского, – недоверие к индивидуальному, созерцательной силе индивида, а не коллектива, массы.

Библиографический список

1. Ахапкин Д. «Источники света» Иосифа Бродского // Звезда. 2018. № 5. С. 37–56.
2. Богданова О. В., Власова Е. А. «Иногда чувствую себя Шекспиром...» (интертекстуальные пласты «Пилигримов» И. Бродского) // Научный диалог. 2021. № 8. С. 129–148.
3. Богомолов Н. О двух «рождественских стихотворениях» И. Бродского // Богомолов Н. От Пушкина до Кибирова. Статьи о русской поэзии. Москва : НЛЮ, 2004. С. 478–485.
4. Бродский И. Сочинения Иосифа Бродского: в 7 т. Т. 2. Санкт-Петербург : Пушкинский фонд, 2001а. 440 с.
5. Бродский И. Сочинения Иосифа Бродского: в 7 т. Т. 3. Санкт-Петербург : Пушкинский фонд, 2001б. 312 с.
6. Бурая М. А., Богданова О. В. Сверхтекстовое единство рождественского, итальянского и любовного претекстов в «Я был только тем, чего» И. Бродского // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 2 (29). С. 17–27.
7. Бурая М. А. Стихотворение «Presepìo» в контексте рождественского цикла И. Бродского // Acta euditorum. 2021. Вып. 37. С. 6–16.
8. Гудониене В. «Рождественская звезда» в контексте евангельских стихов И. Бродского // Славянские чтения. Даугавпилс, 2000. № 1. С. 195–201.
9. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. URL: <https://ilibrary.ru/text/1199/p.36/index.html> (дата обращения: 20.01.2023).
10. Крылов И. А. Бедный богач. URL: <https://rustih.ru/ivan-krylov-bednyj-bogach/> (дата обращения: 20.01.2023).
11. Лученецкая-Бурдина И. Ю., Федотова А. А. Функционирование евангельских цитат в «автобиографическом» нарративе Н. С. Лескова // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 1 (24). С. 8–17.
12. Луций Анней Сенека. Биография и труды. URL: <https://www.newacropol.ru/Alexandria/philosophy/Philosofs/stoiki/seneka/> (дата обращения: 20.01.2023).
13. Мандельштам О. Э. Silentium. URL: <https://rupoem.ru/mandelshtam/ona-esche-ne.aspx> (дата обращения: 20.01.2023).
14. Маркс К. Наемный труд и капитал. URL: <https://www.politpros.com/library/14/33/> (дата обращения: 20.01.2023).
15. Ранчин А. «На пиру Мнемозины»: интертексты Бродского. Москва : НЛЮ, 2001. 462 с.
16. Федотова А. А. «Блаженны алчущие и жаждущие правды»: библейские аллюзии в повести Н. С. Лескова «Юдоль» // Два века русской классики. 2022. № 2. С. 134–150.
17. Чаунина Н. В. Особенности воплощения коммуникативных стратегий в стихотворении И. Бродского «Речь о пролитом молоке» // Научный диалог. 2019. № 6. С. 232–241.
18. Шерр Б. Строрфика Бродского: новый взгляд // Как работает стихотворение Бродского. Москва : НЛЮ, 2002. С. 269–299.

19. Янгфельдт Б. Язык есть Бог. Заметки об Иосифе Бродском. Москва : Астрель, CORPUS, 2011. 367 с.

20. Ishov Z. Joseph Brodsky's «December in Florence»: re-interpreting exile in the company of Dante // Australian Slavonic and East European Studies Journal. 2017. № 1–2. P. 121–163.

Reference list

1. Ahapkin D. «Istochniki sveta» Iosifa Brodskogo = Joseph Brodsky's «Sources of Light» // Zvezda. 2018. № 5. S. 37–56.

2. Bogdanova O. V., Vlasova E. A. «Inogda chuvstvuyu sebja Shekspirom...» (intertekstual'nye plasty «Piligrimov» I. Brodskogo) = «Sometimes I feel like Shakespeare...» (intertextual layers of Brodsky's «Pilgrims») // Nauchnyj dialog. 2021. № 8. S. 129–148.

3. Bogomolov N. O dvuh «rozhdstvenskih stihotvorenijah» I. Brodskogo = On J. Brodsky's two «Christmas Poems» // Bogomolov N. Ot Pushkina do Kibirova. Stat'i o ruskoj poezii. Moskva : NLO, 2004. S. 478–485.

4. Brodskij I. Sochinenija Iosifa Brodskogo: v 7 t. T. 2 = Joseph Brodsky's works: in 7 vols. V. 2. Sankt-Peterburg : Pushkinskij fond, 2001a. 440 s.

5. Brodskij I. Sochinenija Iosifa Brodskogo: v 7 t. T. 3 = Joseph Brodsky's works: in 7 vols. V. 3. Sankt-Peterburg : Pushkinskij fond, 2001b. 312 s.

6. Buraja M. A., Bogdanova O. V. Sverhtekstovoe edinstvo rozhdstvenskogo, ital'janskogo i ljubovnogo pretekstov v «Ja byl tol'ko tem, chego» I. Brodskogo = The supertextual unity of the Christmas, Italian, and love pretexts in Brodsky's «I was only that, what» // Verhnevolzhskij filologičeskij vestnik. 2022. № 2 (29). S. 17–27.

7. Buraja M. A. Stihotvorenije «Presepio» v kontekste rozhdstvenskogo cikla I. Brodskogo = The poem «Presepio» in the context of Brodsky's Christmas cycle // Acta eruditorum. 2021. Vyp. 37. S. 6–16.

8. Gudoniene V. «Rozhdstvenskaja zvezda» v kontekste evangel'skih stihov I. Brodskogo = «The Christmas Star» in the context of J. Brodsky's Gospel verses // Slavjanskije chtenija. Daugavpils, 2000. № 1. S. 195–201.

9. Dostoevskij F. M. Brat'ja Karamazovy = The Karamazov Brothers. URL: <https://ilibrary.ru/text/1199/p.36/index.html> (data obrashhenija: 20.01.2023).

10. Krylov I. A. Bednyj bogach = A poor rich man. URL: <https://rustih.ru/ivan-krylov-bednyj-bogach/> (data obrashhenija: 20.01.2023).

11. Lucheneckaja-Burdina I. Ju., Fedotova A. A. Funkcionirovanie evangel'skih citat v «avtobiograficheskom» narrative N. S. Leskova = Functions of Gospel quotations in N. S. Leskov's «autobiographical» narrative // Verhnevolzhskij filologičeskij vestnik. 2021. № 1 (24). S. 8–17.

12. Lucij Annej Seneka. Biografija i trudy = Lucius Annaeus Seneca. Biography and works. URL: <https://www.newacropol.ru/Alexandria/philosophy/Philosofs/stoiki/seneka/> (data obrashhenija: 20.01.2023).

13. Mandel'shtam O. Je. Silentium = Silentium URL: <https://rupoem.ru/mandelshtam/ona-esche-ne.aspx> (data obrashhenija: 20.01.2023).

14. Marks K. Naemnyj trud i kapital = Employed labor and capital. URL: <https://www.politpros.com/library/14/33/> (data obrashhenija: 20.01.2023).

15. Ranchin A. «Na piru Mnemosiny»: interteksty Brodskogo = «At Mnemosyne's feast»: Brodsky's intertexts. Moskva : NLO, 2001. 462 s.

16. Fedotova A. A. «Blazhenny alchushhie i zhazhdushhie pravdy»: biblejskie alluzii v povesti N. S. Leskova «Judol'» = «Blessed are those who hunger and thirst for the truth»: Biblical allusions in N. S. Leskov's story «Vale» // Dva veka ruskoj klassiki. 2022. № 2. S. 134–150.

17. Chaunina N. V. Osobennosti voploshhenija kommunikativnyh strategij v stihotvorenii I. Brodskogo «Rech' o prolitom moloke» = Specifics of communicative strategies in Brodsky's poem «A Speech about Spilled Milk» // Nauchnyj dialog. 2019. № 6. S. 232–241.

18. Sherr B. Strofika Brodskogo: novyj vzgljad = Brodsky's versification: a new look // Kak rabotaet stihotvorenije Brodskogo. Moskva : NLO, 2002. S. 269–299.

19. Jangfel'dt B. Jazyk est' Bog. Zаметки об Iosife Brodskom = Language is God. Notes on Joseph Brodsky. Moskva : Astrel', CORPUS, 2011. 367 s.

20. Ishov Z. Joseph Brodsky's «December in Florence»: re-interpreting exile in the company of Dante // Australian Slavonic and East European Studies Journal. 2017. № 1–2. P. 121–163.

Статья поступила в редакцию 20.12.2022; одобрена после рецензирования 22.01.2023; принята к публикации 16.02.2023.

The article was submitted on 20.12.2022; approved after reviewing 22.01.2023; accepted for publication on 16.02.2023.